

ДИАЛОГ ЛИНГВИСТА С НОСИТЕЛЕМ: В ПОИСКАХ ПОЛЕВОГО МЕТОДА И ФОРМАТА ЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ*

ПОСВЯЩЕНИЕ

С Татьяной Владимировной Цивьян нас свела судьба сравнительно недавно, когда я стал сотрудничать с Институтом мировой культуры при МГУ. За это время я высоко оценил ее широкий научный кругозор и знание многих таких вещей, о существовании которых я мог только догадываться. И та область, которой посвящена данная статья, для Татьяны Владимировны не является чуждой. Поэтому я рискнул предложить нижеследующее бытописание начала моей полевой деятельности для настоящего юбилейного сборника.

0. ВВЕДЕНИЕ

Полевая лингвистика — это комплекс методов для исследования и описания языка, которым исследователь практически не владеет и всю информацию о котором получает от его носителей. Название данной науки отражает тот факт, что обычно изучение неизвестного языка происходит в среде обитания носителей языка, «в поле», однако это в общем случае не обязательно, иногда работа с носителем языка проводится исследователем дома или на третьей территории с использованием тех же полевых методов. Методы полевой лингвистики являются средством для получения конечного продукта — описания языка. Именно этот конечный продукт предьявляется для публичного обозрения, а все, что предшествовало его созданию, остается обычно за кадром. Между тем эта подводная часть айсберга исследовательской работы также представляет определенный интерес, и в настоящей публикации я попытаюсь вспомнить, как начиналась моя полевая деятельность около сорока лет назад. Мне очень хотелось бы избежать как чисто академического, так и журналистского стиля, хотя оба взгляда на предмет в известной мере будут дополнять друг друга. Речь пойдет о первом знакомстве с практикой полевой работы, теоретическом осмыслении ее методов и о первых двух законченных проектах, завершившихся грамматическими описаниями двух дагестанских языков — хиналугского и арчинского.

1. 1967. Первая экспедиция. Лакский язык

Моя полевая деятельность началась в 1967 году как почти полный экспромт без особых обязательств на будущее. За год до этого у меня состоялся разговор с Владимиром Андреевичем Звегинцевым, заведующим кафе-

двой структурной и прикладной лингвистики, где я работал младшим научным сотрудником и занимался в основном прикладными проблемами автоматического анализа языка. Мы обсуждали основы лингвистического образования на отделении структурной и прикладной лингвистики (ОСиПЛе), и я мимоходом выразил мнение, что студентам не хватает знакомства с редкими языками и практики приложения теоретических знаний к неизвестному языковому материалу. Вообще со Звегинцевым разговаривать было нелегко, у него было высоко развито скептическое отношение к идеям собеседника, и от него естественно было ожидать вышучивания и развенчивания высказываемых предложений. Однако на этот раз он неожиданно отнесся к моей идее с одобрением, вспомнил о своем ташкентском прошлом (до 1950 года В.А. Звегинцев жил и работал в Средней Азии) и о своем учителе М.С. Андрееве, лингвисте и этнографе, который немало занимался памирскими языками в поле.

В моей идее для меня было одно слабое звено: совершенно непонятно, кто бы из членов кафедры мог этим заняться. Таким кандидатом мог бы быть А.А. Зализняк, не только теоретик, но и полиглот, не чуждавшийся неевропейских языков и читавший на отделении курс арабского языка, который я с воодушевлением слушал. Но было маловероятно, что он согласится взвалить на себя такого рода дело.

Как говорят, инициатива наказуема, и Звегинцев безапелляционно заявил, что я этим и займусь. Я совершенно не чувствовал себя готовым к такой деятельности. Моим капиталом было пристрастие к турпоходам, привитое И.А. Мельчуком еще в 1957 году, с которым мне посчастливилось участвовать в самостоятельном лыжном походе по Русскому Северу, и одноразовый опыт участия в диалектологической экспедиции филфака в мою студенческую бытность. Из этой практики, при всем романтическом восторге от бивуачной жизни в настоящей северной избе на берегу Онеги среди нетронутого тогда традиционного быта русской деревни и фантастической красоты закатов и крестьянского зодчества, венчавшегося древней деревянной церковью, построенной без единого гвоздя, я вынес лишь ощущение методологической непродуманности и стихийности полевой работы и понимание, что все надо делать как-то по-другому.

Я начал вилять и отнекиваться, но Звегинцев этой позиции не принял, и мы сговорились на том, что я поеду не в одиночку, а вместе с Ариадной Ивановной Кузнецовой и аспирантом Борисом Городецким. Предложение Звегинцева ехать прямо на Памир осложнялось расстоянием и большими расходами. Я остановился на другом, более близком горном массиве — на Кавказе, и для этого были экстралингвистические основания. Я был знаком с Хадисом Гаджиевым, лакцем из горного Дагестана. Хадис, аспирант экономического факультета, только что женился на се-

стре моей жены и часто бывал у нас дома. У него я мог почерпнуть необходимые сведения о Дагестане и его родном языке. Он же помог выбрать селение и найти лиц, обещавших помочь. Вся моя последующая практика только подтвердила, как важно при выборе места полевой работы иметь эксперта, знающего местные условия и имеющего личные связи.

Каждый полевой лингвист должен знать, что полевая работа — это не только научная деятельность, но и масса финансовых, хозяйственных, бытовых и интерактивных проблем, решение которых является предпосылкой для научной деятельности. Надо выбрать маршрут, найти финансовое обеспечение, добыть оргтехнику, транспорт, жилье, продукты питания, создать среду обитания, найти информантов и установить с ними кооперативные отношения, уметь выходить из нештатных ситуаций. Хорошо, когда всем этим занимается кто-то другой, а не ты, но не всем так везет.

В нашем случае все начиналось с финансирования. На филфаке существовала традиция экспедиционной диалектологической и фольклорной практики студентов и статья расходов на эти цели. Но в советское время выделение средств на все нужды обычно осуществлялось по прецеденту — столько, сколько было потрачено на такие цели в прошлом году. А нам нужна была своя ниша в этой статье. Надо сказать добрые слова тогдашнему главному бухгалтеру Николаю Петровичу Огневу. Он очень был не похож на типичного главбуха, который должен никому не верить, всему препятствовать и делать что-либо новое под большим административным нажимом. Николай Петрович весьма благосклонно отнесся к нашей «придури» (ведь совсем неочевидно, что дело наше стоящее; как часто мне было трудно объяснить, что то, что мы делаем, не просто разбазаривание государственных средств) и сделал все необходимое, чтобы наша заявка была удовлетворена. Более того, он помог приобрести три импортных магнитофона «Тесла», о которых и мечтать было нечего.

С выбором маршрута и поиском куратора (со звонким именем Маркс) в селении Хурхи Лакского района, куда мы ехали, помог Хадис. Нашего приезда ждали и даже встречали с грузовиком в кумухском аэропорту, куда мы прилетели из Махачкалы на «кукурузнике» «Ан-2».

Наша экспедиция состояла из девяти человек. Кроме трех «начальников», в ней были пять студентов ОСиПЛа (среди них — впоследствии известные лингвисты А.Н. Барулин и С.Д. Шелов) и научный сотрудник И.П. Оловяникова. Никакой предварительной информации о лакском языке не изучалось, идея состояла в дешифровочном подходе. Интервьюируя информанта, используя в качестве языка-посредника русский язык, и открывая структуру лакского языка. Я, правда, получил несколько уроков лакского языка у Хадиса, записав с ним на магнитофон небольшой текст и, как смог, разобрал его.

В общем, не имея никаких знаний о том, как организуется полевая работа, мы полностью уповали на экспромт. Мы исходили из того, что нашим инструментом является современная лингвистическая теория (в основном фонетика и морфология) и мы будем проверять силу этой теории на новом языковом материале.

Эта первая экспедиция, конечно, не могла дать реальных научных результатов. Это была лишь проба сил, где у учителей и студентов были почти равные возможности. Не получилось у руководителей и слаженных действий по оперативной выработке решений, начиная с принятия единой транскрипции. Каждый из нас был достаточно самостоятельным, и действовали мы, кто как мог и считал нужным. Тем не менее всем нам понравилась полевая деятельность, и мы достаточно созрели до понимания того, что помочь друг другу мы не можем и в дальнейшем нам следует работать автономно.

Что касается меня, то я во всем чувствовал свою полную безграмотность. Моя общелингвистическая подготовка была фрагментарна и совершенно недостаточна. На классическом отделении филфака, которое я окончил в 1961 году, я фактически не получил никакого систематического лингвистического образования и впоследствии осваивал азы лингвистики самоучкой, воспитываясь на классическом и современном структурализме. О возможностях и границах языкового разнообразия я мало что знал. О том, что в лакском языке есть эргативная конструкция, я узнал на месте от многоопытной А.И. Кузнецовой. Я ничего не знал (и не хотел предварительно знать: ведь все надо обнаружить в языке самому) о той языковой семье, к которой принадлежит лакский язык. Наконец, никто не учил меня, как надо работать с информантом, что и как спрашивать, как фиксировать услышанное.

Для меня эта первая экспедиция была серьезной школой самообразования. В этом смысле она была очень удачной. Полезен был не только ее позитивный, но и негативный опыт. Я понял, что мы недалеко ушли от той диалектологической практики, которую я критиковал с позиции своего студенческого величия. Но я и понял, к чему надо стремиться, чтобы достигать научного результата. Я узнал, чего я не знаю и что должен узнать. И, самое главное, я теперь всерьез увлекся процессом полевой работы, поняв, что это не мимолетный эпизод в биографии, а серьезная долгосрочная цель.

Как-то в случайном разговоре с местными жителями я услышал, что за перевалом есть уникальное селение Арчи, в котором говорят на особом языке, и такого языка больше нигде нет. Вот такой бы язык изучать! Очень захотелось, не откладывая на неопределенное потом, произвести разведку, и после окончания плановой части экспедиции мы с И.П. Оловянниковой

отправились в неизведанный язык. Мы разузнали, что в Арчи ведет горная тропа из лакского селения Хулисма, по которой когда-то было оживленное гужевое движение на кумухский базар, но сейчас ею никто не пользуется и без гида самим добраться по ней нельзя. Такой гид нашелся, и, погрузив на лошадь наши рюкзаки, мы отправились рано утром по горной тропе в загадочный Арчи. Путешествие налегке было приятным, и 30 километров мы к вечеру преодолели.

Трудно сказать, кто больше был удивлен: мы, увидевшие архаическое селение и его жителей, или арчинцы, на которых свалились неизвестно откуда и для чего столичные русские.

Мы узнали, что действительно в Арчи говорят на особом языке, которого соседи из ближайших сел совершенно не понимают. Арчи представляет собой группу небольших хуторов, возникших сравнительно недавно в связи с особенностями хозяйствования. Общее число жителей приближается к тысяче человек. Все мужчины говорят также на аварском и лакском языках, а те, кто служил в армии, в некоторой степени владеют также русским. Старики и женщины русского не знают. Уклад жизни здесь наиболее приближен к традиционным формам. В отличие от всех прочих дагестанских сел арчинские женщины повседневно носят изысканные старинные одежды с множеством серебряных украшений. Это не карнавал и не светский раут. Ведь все тяжелые работы в поле и дома выполняют женщины. Когда они несут с покоса стога сена в своих терракотовых хитонах, их под этими стогами почти не видно.

О физической выносливости женщин мне довелось составить впечатление, еще не дойдя до селения. Мы входили в него, предварительно надев свои рюкзаки, так как наш гид торопился вернуться в тот же день домой. Первой нас встретила женщина средних лет, несшая кувшин с водой. Увидев непотребную сцену, что мужчина идет нагруженный, она, говоря что-то неодобрительное Ире Оловянниковой, сдернула с меня тридцатикилограммовый рюкзак и вскинула его себе через плечо, как пушинку. Так и остался я налегке, а Ира Оловяникова — со своим рюкзаком (по мнению арчинки, она должна была нести оба рюкзака). Арчинка вступила в бойкий разговор с подходившими арчинцами и так и простояла с рюкзаком с полчаса, явно не замечая его веса.

У нас была цель не только увидеть Арчи, но и записать на магнитофон как можно больше слов для прослушивания их в Москве. Однако оказалось, что в Арчи нет электричества, а наш магнитофон не имел батареечного питания. Но хитроумный Магомед, пригласивший остановиться у него по праву первого встретившего нас мужчины, нашел выход. В клубе иногда крутят кино, запуская движок с помощью трактора. И вот этот способ извлечения электропитания он и придумал. Два дня

мы усердно вели запись, несмотря на рев трактора за окном и скачки напряжения от 150 до 280 вольт, и записали около 500 слов и сотни предложений.

2. 1968. Вторая экспедиция. Арчинский язык

В Москву мы возвращались, определенно зная, где мы будем летом в следующем году. Правда, из-за нашего невежества мы несколько преувеличили экзотичность арчинского языка. В том же 1967 году вышла небольшая книжка [Микаилов 1967] с довольно неплохой базовой грамматикой, словариком и парой текстов, а также очерк арчинского языка [Хайдаков] в энциклопедическом издании «Языки народов СССР». Кроме того, еще в начале века было опубликовано грамматическое описание [Дирр]. Так что первооткрывателями нас не назовешь. Тем не менее я придерживался точки зрения, что в методологических целях на начальном этапе изучения языка желательнее идти по более трудному пути: провести чистый полевой эксперимент, опираясь только на свои ресурсы и имея «чистые лингвистические рецепторы», и лишь после формирования собственного взгляда на язык обращаться к сравнению с мнениями предшественников.

Началась серьезная подготовка к арчинской экспедиции. С экспромтами покончено, теперь надо строить всю полевую работу по заранее продуманной схеме. Был взят курс на разработку методологии полевой работы и изучение арчинского языка как самостоятельного объекта научного исследования.

Моим главным партнером стал Сандро Васильевич Кодзасов, мой коллега по кафедре и давний друг со студенческих лет. Мы разделили зоны влияния. Сандро, специализировавшийся в фонетике, взял на себя фонетическую часть исследования, а я отвечал за грамматику. В полевой работе с бесписьменным языком фонетика первична, не овладев ею, ничем всерьез заниматься нельзя. И в то же время она очень коварна: не поняв ее главных секретов, можно продолжать мучиться годами с письменной записью языкового материала. Последующая практика показала, что работы для профессионального фонетиста в любом языке непочатый край, и постоянное сотрудничество с С. Кодзасовым было краеугольным камнем в формирующейся модели группового полевого метода.

Первый вопрос, который надо было решить, — это тип транскрипции. В дагестановедении принята транскрипция на кириллической основе, на которой действует орфография пяти письменных дагестанских языков. Такой выбор удобен и по техническим соображениям, поскольку для печати достаточно обычной пишущей машинки. Такая транскрипция понятна носителям языка и специалистам. Если бы можно было ее использовать, ничего в ней не меняя, то не надо было бы ничего придумывать.

мывать. Однако проблема состоит в том, что одни и те же кириллические буквы и их комбинации в разных орфографиях используются по-разному. В пределах одного письменного языка (например, аварского, лакского, даргинского или лезгинского) это не существенно, но когда мы обращаемся к бесписьменным языкам и их диалектам, то какие знаки в неоднозначных случаях использовать? Неизбежно разноречивой в дагестанских языках будет только увеличиваться. Если думать о долгосрочной перспективе и работе с разными дагестанскими языками, нужна единая транскрипция для любого дагестанского языка, с едиными принципами нотации для однотипных звуков и их признаков. Если усовершенствовать кириллическую транскрипцию, то и запись письменных языков будет более последовательной, но она будет отличаться от принятых практических орфографий. Кстати, в орфографиях обычно не все фонематические различия отмечаются, что вообще плохо для научного описания этих языков.

Более унифицирована нотация на латинской основе в международном фонетическом алфавите (МФА), но в нем не все нужные различительные признаки имеются. Преимущество такой нотации в том, что она имеет международный статус и понятна лингвистам любой национальной школы. Кстати, грузинские кавказоведы пользуются нотацией на латинской основе, хотя используют свои локальные диакритики.

Поэтому мы с Кодзасовым занялись разработкой единой транскрипции для дагестанских языков. Это потребовало, конечно, учесть все их зафиксированные фонематические системы по описаниям. Предложения по такой транскрипции были опубликованы в [Кибрик, Кодзасов 1970].

В области грамматики надо было пойти аналогичным путем. Нужна некоторая универсальная схема, в идеале покрывающая все языковое разнообразие, так чтобы конкретный язык, с которым сталкивается полевой лингвист, предусматривался бы этой схемой. Такой теории в 60-е годы не было, нужно было разрабатывать некий эмпирический ее вариант. Поскольку работа с языком опирается на интервьюирование информанта, нужны анкеты и некоторые образцы высказываний на языке-посреднике для их перевода на исследуемый язык. За такими образцами лежат гипотезы о их внутренней структуре и возможных вариациях их конкретно-языкового кодирования. Перед работой в поле надо предварительно подготовить анкеты по тем разделам грамматики, которыми мы предполагаем заниматься.

Нужно также иметь набор наиболее важных лексических значений, с учетом идиоэтнических особенностей культуры, хозяйствования, географии. Эти значения, для удобства их сбора в работе с информантами, представляются не на абстрактном уровне, а русским словариком.

Это были первые шаги к построению целенаправленной полевой работы, с замахом на универсальность, но и с учетом предполагаемых свойств конкретно выбранного языка.

В арчинской экспедиции было две партии — грамматическая (под моим руководством) и фонетическая (под руководством Кодзасова). Кроме руководителей и И.П. Оловянниковой, в ней участвовало шесть студентов-новобранцев, для которых это была первая экспедиция. Вместе с нами выезжала также группа Б.Ю. Городецкого, имеющая самостоятельную программу по полевой семантике и предполагавшая обследовать лакский и арчинский языки.

Перед выездом мы очень тщательно составили список необходимых нам продуктов питания на месяц (на месте практически ничего, кроме молока и яиц, купить нельзя) и выслали их почтовыми посылками. Обзавелись малогабаритными туристическими примусами для приготовления пищи, посудой, спальными мешками и надувными матрацами и всем необходимым для жизни и научной работы, в том числе батареечными магнитофонами.

Неожиданности начались уже в дороге. Добравшись до районного центра Цуриба, от которого до Арчи оставалось 40 километров, мы узнали, что только что прошли сильные дожди и все мосты через реку смыты. При нас под руководством секретаря райкома установили пешую переправу, перекинув через бушующую реку толстое бревно. По ней мы и перешли, как канатоходцы, на другую сторону. Но дальше автомобильной дороги тоже нет и долго не будет, поэтому пришлось, как и в прошлом году, добираться до Арчи пешком, с помощью нескольких ослов для нашего довольно объемного снаряжения.

В Арчи оказалось, что поселиться в одном хуторе невозможно, поэтому фонетическая и грамматическая партии разделились. Мы обосновались в третьем этаже жилого дома в хуторе Хилих, с выходом на обширную площадку, крышу второго жилого этажа, где обитали хозяева (первый этаж традиционно предназначен для скота). Дагестанские крыши плоские, покрытые утрамбованной глиной. Группа Кодзасова поселилась в хуторе Хиттаб, в 5 километрах от нас и на 300 метров ниже.

Я завел специальную амбарную книгу для ведения экспедиционного дневника. В ней я собирался фиксировать все подробности полевой работы. Однако меня хватило только на первую запись. Экспедиционная жизнь до краев заполняет внимание, требует постоянного обдумывания плана действий, принятия нетривиальных решений в самых разных направлениях (где найти информантов, чем каждый сегодня занимается, что значат постоянные сюрпризы в языковых данных, какое сегодня меню и кто сегодня дежурит, где достать бензин для примуса и т.д. и т.п.), а ве-

дение дневника тоже требует времени, ритмичности и дополнительной затраты умственной энергии. Сейчас такого дневника очень не хватает, приходится надеяться только на память, но многие подробности в ней безвозвратно стерты.

Каждая из партий полюбила свою «новую родину», однако практическое отсутствие научного взаимодействия потребовало воссоединения, но в разных домах, так как в одном частном доме поселить девять человек трудно. Фонетисты перебрались к нам в Хилих. Надо сказать, что временное разъединение обернулось огромной удачей. В Хиттабе фонетисты познакомились с молодым арчинцем, студентом первого курса филфака Дагестанского университета Джалилем Самедовым. Он свободно владел русским языком (у нас кое-как мог объясняться практически только один чабан Буттай, приобщившийся к русскому языку в армии) и, самое главное, имел сильную мотивацию для работы с нами и прекрасное языковое чутье. Поэтому он каждый день приходил к нам в Хилих на полевую работу.

У нас появилась возможность ежедневно обсуждать результаты проделанной работы, проводить «пятиминутки» с отчетами участников о том, что они узнали нового по своим темам. По вечерам, а в горах темнеет рано и быстро, при керосиновой лампе многого не сделаешь, и мы собирались на крыше нашего дома и часами распевали туристический и блатной фольклор и становившиеся все более популярными песни Окуджавы, считая падающие метеориты.

Наш рацион все более и более сужался, так как посылки не приходили. В магазине в центральном хуторе, ничего кроме вермишели n-го сорта и медовой патоки, не было, даже бутылку спиртного не удалось нигде найти в день рождения Сандро, и мы чокались молоком. Но наш энтузиазм не спадал, нам казалось, что мы все больше и больше погружаемся в стихию арчинского языка, студенты работали с упоением. Для них это был первый опыт не ученического, а исследовательского процесса. Многие из них стали впоследствии известными лингвистами. Миша Алексеев стал профессиональным кавказоведом, Ира Муравьева позднее увлеклась чукотско-камчатскими языками после наших экспедиций в алюторский язык, Ира Самарина и Тамара Погибенко многократно ездили во Вьетнам в составе экспедиций Института востоковедения по изучению малых языков Вьетнама, Оля Богуславская защитила диссертацию по определительным конструкциям в дагестанских языках, в настоящее время она работает в группе Ю.Д. Апресяна по русскому словарю синонимов.

В середине нашего срока пришла телеграмма с факультета, предлагающая Кодзасову срочно вернуться в Москву¹. Это был серьезный удар по нашим планам. Потом, вскоре после отъезда Кодзасова я серьезно

заболел. Температура высокая, местный фельдшер ничего не понимает, но советует колоться пенициллином. В Арчи есть только пенициллин для овец, но колоть меня некому. Никто из студентов никогда такого не делал. К этому времени группа Городецкого переселилась из лакского селения Шали в один из арчинских хуторов, и он приходил, как медсестра, делать мне эти овечьи уколы. Проболеl я почти до самого отъезда, очень ослаб и идти не мог. Мостов по-прежнему не было, и мне нашли спокойную лошадь, на которой я и доехал до райцентра. Там нам и вручили наши посылки и почту за весь наш срок.

По не зависящим от нас обстоятельствам мы не смогли использовать все предоставленное нам время, хотя знакомство с языком состоялось. Еще в экспедиции у нас созрел план перевести Джалиля с филфака Дагуниверситета на филфак МГУ, и через некоторое время, несмотря на множество препятствий, нам это удалось. В Москве действовал я с помощью Звегинцева, в Махачкале — мой свояк Хадис, к тому времени уже окончивший аспирантуру и работавший в Дагуниверситете. Джалиля перевели на русское отделение, он сумел сдать порядочную разницу и успешно окончил факультет, а потом и аспирантуру. Диссертацию он писал по лексике арчинского языка. Поэтому открылась совершенно уникальная возможность — заниматься полевой лингвистикой в Москве в течение нескольких лет, и наш амбициозный план создать максимально подробное и глубокое описание арчинского языка был организационно обеспечен. Оставалось претворить его в жизнь.

3. 1969. Третья экспедиция. Шугнанский язык

Собственно выездная полевая работа с участием студентов продолжалась своим чередом. С целью расширить языковой кругозор я вернулся к идее Звегинцева поехать на Памир, и в 1969 году экспедиция направилась в шугнанский язык, по совету Д.И. Эдельман, присоединившейся к нам. Мы хотели выбрать более малочисленный язык, но нам нужно было много информантов в одном селении, так как ехало двадцать человек. В этой экспедиции значительный прогресс был в организации экспедиционной жизни, работы и быта. Чудом прогресса было участие в работе профессиональной машинистки, ежедневно печатавшей и размножавшей собранные материалы.

Это была фантастически богатая впечатлениями поездка, мы проехали через весь Памир и по республикам Средней Азии, увидели новый мир и культуру. Надеюсь, что на меня не обидятся ирановеды, но после зубодробительных дагестанских языков шугнанский показался нам очень пресным (ну почти как английский по своей морфологии), и мы предпочли далее вернуться на Кавказ.

4. 1970–1971. Четвертая и пятая экспедиции. Хиналугский язык

Снова встал вопрос о выборе языка. У нас с Кодзасовым был такой план. Работа над арчинским языком многолетняя и без привлечения студентов, но общий план типового лингвистического описания у нас теперь есть, есть также абрис основных параметров языка дагестанского типа и опыт сбора материала по стандартной программе. И у многих студентов уже есть некоторый опыт полевой работы. Поэтому стоит попробовать сделать эскизное описание какого-нибудь другого дагестанского языка по материалам коллективной работы со студентами.

Хотелось, чтобы этот язык как можно больше отличался от известных ранее лакского и арчинского и был бы малочисленным и чтобы по возможности им никто не занимался. Это мог быть один из закавказских дагестанских языков Азербайджана или Грузии. С этой целью в конце зимы 1970 года я отправился в командировку в Тбилиси и Баку. В Тбилиси отпал по внешним обстоятельствам очень меня интриговавший бацбийский язык. Все бацбийцы двуязычны и интенсивно переходят на грузинский язык, их мало для нашей коллективной экспедиции, и к тому же они, как правило, не знают русского языка. Из Тбилиси я проехал, сменяя маршрутные автобусы, по всему закавказскому маршруту, посетил Варташен и Нидж, где живут удины, и очень мне там понравилось, кроме того, что это не горы, а низменность.

В Баку мне надо было найти специалиста по шахдагским языкам Шамсуддина Саадиева. В Академии наук, где он работал, мне сказали, что в институт он практически не ходит, но дали его домашний адрес. Жил он где-то на окраине в каком-то трущобном районе, с трудом разыскал я дом и квартиру. Шамсуддин встретил меня взлохмаченный, небритый и в кальсонах, не очень смутился и не удивился, но попросил немного подождать. Он надел цивильный костюм с галстуком, мы зашли в парикмахерскую, где его побрили, и он повел меня в ресторан. Шамсуддин оказался очень самобытным человеком, преданным своему крызскому языку, которым он подпольно всю жизнь занимается, но почти ничего не опубликовал. Он жаловался, что его притесняют за то, что он портит национальную политику Азербайджана, в соответствии с которой в республике все азербайджанцы и живут они на этой территории вечно. А тут есть всякие псевдоученые, которые занимаются этимологией топонимов и обнаруживают в них удинские и прочие неправильные корни.

Он подробно рассказал мне обо всех трех практически одноаульных шахдагских языках, в каждый из которых можно было бы поехать, но наиболее изолированным в языковом отношении является хиналугский язык, и там немало учителей, хорошо знающих русский язык. Особенно полезен будет народный поэт Хиналуга, он же директор школы

Рагим Алхас. По хиналугскому языку есть книга Ю.Д. Дешериева, но он этим языком давно не занимается, а другие опасаются за него братья, чтобы не обидеть мэтра.

Летом мы отправились в экспедицию в Хиналуг. В ней участвовало 11 студентов, из них 6 новичков. Собственно в поле мы работали месяц. В этой экспедиции была впервые успешно реализована схема иерархической организации коллективной работы в поле. Все виды лингвистической работы делились на три направления: фонетика (ответственный Кодзасов), лексика и тексты (ответственный Оловянникова), грамматика (ответственный Кибрик). Студенты собирали грамматический материал по индивидуальным темам под руководством Кибрика, и «старички» в свою очередь сами руководили «новичками». У нас, как у прикладных лингвистов, была естественная тяга к передовым информационным технологиям, и в этой экспедиции мы взяли на вооружение входившие тогда в употребление перфокарты для сортировки данных.

Огромную помощь нам оказал Рагим Алхас, большой энтузиаст в поддержании престижа хиналугского языка. Имея директорский административный ресурс, он лично собрал команду информантов из дюжины школьных учителей, и они дисциплинированно приходили на «уроки» к 9.00. Как и в обычной школе, каждый урок длился 45 минут, затем перемена 15 минут, и так далее до обеда. Работа с информантами велась индивидуально, и у каждого исследователя было в среднем по три часа работы с информантом. После обеда шла обработка собранного материала, заполнение и маркировка перфокарт, подготовка анкет для следующего дня, консультации с руководителями, почти ежедневно проводились «пятиминутки». Рагим проводил с нами почти все дни и постоянно консультировал всех желающих. Он видел, что мы делаем серьезное дело и с каждым днем все больше понимаем в хиналугском языке, и со своей стороны этому, как мог, способствовал. Он также старался вникнуть в лингвистическую суть дела, и наш профессионализм его постоянно удивлял. Как мы можем до неузнаваемости изменить какую-нибудь хиналугскую фразу и сделать это правильно? Ведь он же знает, какими ограниченными данными о языке мы владеем. Потом мы с такой реакцией на наши исследовательские «фокусы» неоднократно сталкивались.

В Хиналуге я почувствовал, что синдром хаотической традиционной методики, который раздражал меня когда-то, преодолен. И студенты-первокурсники, впервые столкнувшиеся с необычным видом деятельности, стремительно и естественно ее осваивают, у них нет никаких комплексов и неуверенности. Это значит, что работа организована правильно, цели понятны и средства к их достижению ясны. Полевая работа предполагает, что почти каждая новая фраза на изучаемом языке удивительна и не надо

этому удивляться, а надо найти объяснение и снять вопрос. Иногда это удается сделать быстро, подобрав другую фразу, минимально противопоставленную данной, но не следует всегда непременно требовать решения немедленно. Некоторые вопросы откладываются на будущее, когда появятся новые подсказывающие данные. Методологической основой исследования был для нас метод структурного моделирования, не просто фиксирующего наблюдаемые явления, а исчисляющего их. Довольно быстро в языке обнаруживаются основные грамматические категории и их наиболее частотные значения, но требуется исчислить все значения всех грамматических категорий и все допустимые комбинации значений сочетающихся категорий. Это достигается методом активного опроса информанта. Моделируются различные языковые выражения, содержащие искомые комбинации, и проверяется их грамматическая правильность.

Однажды Н.С. Чемоданов, отвечавший за лингвистический портфель в журнале «Вестник МГУ», предложил мне написать в раздел хроники информацию о наших экспедициях. Я с удовольствием это сделал, объединив дагестанскую и памирскую экспедицию, см. [Кибрик 1970], а затем написал хронику о хиналугской экспедиции [Кибрик 1971]. С этими публикациями связана одна характерная деталь, показывающая, насколько мало понимают лингвисты то, чем мы занимаемся. На одну из моих заметок была краткая внутренняя рецензия К.В. Горшковой, известного русиста, которая категорично написала, что это псевдонаука, поскольку нельзя изучать язык, которым исследователь не владеет. Надо отметить, что эта рецензия не помешала публикации заметки.

Из экспедиции был привезен большой языковой материал, содержащий грамматические примеры (около 4000 предложений), тексты (20 текстов различных жанров, включая стихи Рагима Алхаса) и лексикон (порядка 1000 слов). Студенты в срок написали отчеты по своим темам. Однако весь этот материал был всего лишь начальной заготовкой, он требовал тщательного изучения, перекрестных проверок, теоретического осмысления, дополнений и унификации. Осенью того же года мы с Кодзасовым засели за написание текста будущего научного описания. Прежде всего надо было структурировать данные, придав им максимально наглядный табличный вид. Удобным инструментом для морфологии (и фонетики) являются парадигмы, организующие формальную и содержательную систему морфем (фонем). Для каждой морфемы должно быть найдено ее исходное фонематическое представление, правила фонетической реализации и семантическая интерпретация. Все морфемы (и фонемы) должны быть проиллюстрированы достаточным количеством реальных языковых примеров. Формально грамматический и иллюстративный материал мы стремились везде, где это возможно, представлять в форме таблиц, а грам-

матическое описание в основном формулировать как содержательные комментарии к таблицам.

Весь текст мы писали вдвоем синхронно фразу за фразой, критикуя и редактируя друг друга. Это был изнуряющий, трудоемкий процесс. Кроме того, обнаруживались явные и потенциальные ошибки, противоречия в записи и переводе одних и тех же выражений, лакуны в данных. Кое-какие моменты требовали дополнительной проработки и сбора материала. Тем не менее предварительный вариант будущей грамматики был за три месяца написан. Нужна была дополнительная экспедиционная сессия. В зимние каникулы в январе–феврале 1971 года небольшая группа отправилась в Азербайджан. В нее вошли я, Кодзасов и пять студентов (М. Алексеев, А. Барулин, Н. Лауфер, И. Муравьева и Т. Погибенко), отчеты которых были наиболее полно использованы в описании.

Добраться зимой до Хиналуга невозможно, так как дорогу заметает снегом на три-четыре метра. У нас была договоренность с Рагимом приехать на плоскость в Пирсагат, так называемые кутаны, место зимовки хиналугских отар. Рагим тоже приехал туда. Но жить и работать там было совершенно невозможно. Чабаны живут очень скученно почти в землянках, отопление практически отсутствует, для нашей группы никакого помещения нет ни для работы, ни для жилья. Положение казалось патовым. Есть с кем работать, но самых элементарных условий для работы нет. Рагим предложил радикальное решение. Он один заменит всех информантов, если мы переедем в более приемлемое место, например, в райцентр Куба. Мы решительно собрались в дорогу. В Кубе мы расположились в районной гостинице, где после Пирсагата было как в раю. Питались мы в гостиничном ресторане, а Рагим с утра до ночи героически отвечал на наши вопросы. Мы выстраивались к нему в очередь по графику. Рагим жаловался на свой язык с обилием глубоких гортанных звуков, от которых у него к вечеру начинало болеть горло. Но за десять дней этой необычной экспедиции все вопросы (как старые, так и вновь возникшие) были сняты.

К лету рукопись была доработана, и в 1972 году вышло наше первое грамматическое описание, которое мы скромно назвали «Фрагменты грамматики хиналугского языка». В рецензии [Гигинейшвили 1973], вышедшей для нас совершенно неожиданно, это отмечено: «Заглавие книги — „Фрагменты грамматики хиналугского языка“, по нашему мнению, несколько скромно и не соответствует действительности. Книга является весьма полным и последовательным описанием фонологической и грамматической систем хиналугского языка. Необходимо отметить, что книга написана на высоком научном уровне, отличается гармоничным сочетанием формализации описательной методики с глубоким пониманием внутренней структуры языка, изобилием иллюстративного материала» [Там

же, 148–149]. Вообще это было как гром среди ясного неба. Неизвестный нам ранее эксперт² из Тбилиси дал этому первому опыту очень высокую оценку. Рецензия завершалась таким итогом: «К грамматическому очерку прилагаются хиналугские тексты с дословным и свободным переводами, а также хиналугско-русский и русско-хиналугский словники вместе с разного рода указателями. Последняя часть занимает примерно треть книги [см.: Кибрик, Кодзасов 1972, 243–369], отличается надежностью материала и переводов. Словники кроме перевода содержат квалификации языковых форм, с ссылками на соответствующие разделы книги. Прodelана весьма трудоемкая и кропотливая работа, результатом чего явилась рецензируемая книга, которая представляет собой отражение несомненного прогресса в советском кавказоведении. Те сведения и интерпретации, которые даются в рецензируемой книге, могут весьма способствовать дальнейшему изучению хиналугского языка как с синхронической, так и диахронической точек зрения» [Гигинейшвили, 150].

Особенно ценным был для нас пассаж о надежности языкового материала, собранного не носителем языка, а полевыми лингвистами. Такой «знак качества» от ученого-компаративиста, для которого надежность материала превыше всего, многого стоит.

5. «Методика полевых исследований»

Как-то Георгий Андреевич Климов обратился ко мне с необычным предложением: написать для известной академической серии «Теория советского языкознания» книгу о полевой лингвистике. Предложение было легкое, заманчивое и рискованное. Я не чувствовал себя полноценным экспертом и считал, что еще только учусь. Но в то же время, действительно, удивительным образом по этой теме у нас в стране отсутствует специальная литература³. Многие описания «экзотических» языков как у нас, так и за рубежом написаны на основе полевых исследований, но сама «кухня» этой работы остается скрытой. А между тем я убедился на собственном опыте, сколько велосипедов приходится изобретать каждому, кто ступает на эту стезю. Поскольку я сам постоянно стремился к выработке оптимальных методик полевой работы, мне идея Климова не была чужда, и я взялся за это дело. Это мобилизовало меня на библиографические поиски, и я почерпнул для себя много полезной информации в американской лингвистической литературе. Я мог сопоставить ее с теми идеями, которые накопились в моем личном опыте. Поставленная задача стимулировала также разнообразить языки и языковые ареалы наших экспедиций.

Хотя вариант рукописи был уже в основном подготовлен, после хиналугской экспедиции я решил резко изменить географию и поехать в один из самых отдаленных языковых ареалов, на Камчатку. Я списался с Алексан-

дром Павловичем Володиным, ленинградским специалистом по ительменскому языку, и он посоветовал взяться за алюторский язык. Поэтому в сентябре 1970 года я отправился на Камчатку, чтобы лично осмотреть место будущей экспедиции. Эта поездка показала, как непредсказуема дорога в этот край. Долетев без приключений до Петропавловска-Камчатского, я столкнулся с трудностями полетов внутри Камчатки. Мне надо было добраться до райцентра Олюторского района, Тиличики, где в селении Вывенка живут алюторцы. Я взял билет на ближайший самолет, но из-за погодных условий рейс несколько дней откладывался. Я поселился в гостинице аэропорта и целыми днями ждал регистрации, которая постоянно откладывалась. Соседи по гостинице говорили мне, что это дело обычное, иногда рейса ждут по месяцу. Наконец полет состоялся, я прилетел в Тиличики, но по всему было видно, что погода ненадежная и я могу здесь надолго застрять. С большим огорчением я принял решение улететь тем же бортом. До вылета оставалось несколько часов, а тут летел «Ан-2» в один из поселков, Ачай-Ваям. Там живут чукчи, но я решил слетать хотя бы туда. Полет проходит очень низко, и можно наблюдать природу. Осенью вся тундра бордовая, фантастически красивая. Этим эстетическим впечатлением пришлось и ограничиться.

Рукопись моей книги я отдал Климову для прохождения рецензирования. Ничего о ней мне не было известно. А зимой я получил письмо от А.П. Володина, который сообщил мне, что он присутствовал на скандальном обсуждении моей рукописи в Институте языкознания в Ленинграде. Об этом обсуждении меня никто не предупредил и никто на него не пригласил. Обсуждение длилось несколько часов, его лейтмотивом было возмущение, что какой-то неизвестный писака, апологет буржуазного языкознания, ничего не написал о достижениях в области полевой лингвистики советского академического сообщества. Декламировали даже стихи о советском паспорте и указывали автору книги, что он не гордится своим паспортом и ему дорога в лучшем случае за кордон. Были также и благожелательные рецензенты, например, С.Д. Кацнельсон, но негодующие отзывы доминировали. Климов мне скупно сообщил, что рукопись забраковали. Я хотел получить официальные материалы обсуждения и требовать сатисфакции, изъявляя готовность, в чем смогу, расширить советскую библиографическую часть. Но Климов был, видимо, напуган, что так опрометчиво меня ангажировал, и защищать меня не был готов, полагая, что усмирить или задобрить моих оппонентов не удастся. Звегинцев, напротив, был удовлетворен таким поведением ленинградских коллег (ничего другого он от них и не ожидал) и обещал издать книгу факультетскими средствами. Такая публикация, конечно, не имела доступа к широкой публике, но, тем не менее, рукопись была мною доработана с учетом опыта последних экспедиций и вышла в 1972 году. Неожиданно она была замечена крупным между-

народным издательством Mouton, которое предложило перевести эту книгу на английский язык. Английский вариант появился в 1977 году [Kibrik]. Кстати, я случайно прочел в диалектологическом сборнике рецензию на мою книгу [Калнынь], с автором которой я не был знаком. Эта рецензия была очень благожелательная, и ее автор агитировала диалектологов учесть многие из предлагаемых мной рекомендаций. Позволю себе также привести заключительную часть этого отзыва: «Нам, прежде всего, хотелось показать привлекательность многих идей А.Е. Кибрика для диалектологов-лингвистов, наиболее часто соприкасающихся с ситуацией полевого исследования. Книга А.Е. Кибрика важна тем, что в ней впервые в полном объеме эксплицируются правила полевого исследования, как особого метода извлечения лингвистических данных. Этот метод предоставляет лингвисту особенно интересные и широкие исследовательские возможности. Поэтому каждый, кто занимался полевой работой, присоединится к восторженной оценке полевого исследования, которой А.Е. Кибрик заключает свою книгу»⁴ [Калнынь, 268–269]. Эта рецензия была для меня компенсацией за ранее упомянутую рецензию К.В. Горшковой.

6. РАБОТА НАД АРЧИНСКОЙ ГРАММАТИКОЙ

Хиналугская грамматика была для нас пробой сил в области описательной лингвистики, а создание целостного, максимально полного и подробного грамматического описания было связано с арчинским языком. Полевые лингвисты знают, в какой степени производительность труда зависит от качеств информанта. Когда информант понимает, что хочет от него исследователь, и имеет дар языковой интроспекции, качественный материал собирается очень быстро. Хочу подчеркнуть, что лингвистически образованный информант — не залог успеха. Иногда бывает наоборот: доморощенные языковые догмы могут мешать получать от него объективную языковую информацию. Главное достоинство информанта — чутко ощущать смысловые различия между языковыми выражениями и ясно их формулировать, уметь погружать их в релевантный прагматический контекст. Всеми этими качествами Джалиль обладал в полной мере. В процессе нашей совместной работы Джалиль быстро обучался, понимал, что я от него жду, с полуслова. Постепенно он научился записывать в нашей транскрипции арчинские тексты и во время летних каникул собирал их дома в Арчи. Обычно же это очень трудоемкая работа. Он также включился в самостоятельную научную деятельность и собирал арчинский лексикон.

Чтобы не ограничиться идиолектом одного, хоть и высококачественного, информанта, летом 1971 года, наряду с экспедицией на Камчатку, была проведена вторая экспедиция в Арчи, где студенты собирали альтернативные примеры по определенным грамматическим темам.

Сбор языкового материала в полевой работе обычно отнимает львиную долю времени. В нашем случае сотрудничество с Джалилем позволяло двигаться вперед значительно быстрее. И тем не менее работа над арчинским языком заняла шесть лет, не считая полутора лет подготовки рукописи к печати.

Хотя трудно разделить этап сбора материала и этап написания текста, так как одно предполагает другое, написание самого текста грамматики представляет собой особую задачу. Я перелистал множество отечественных и западных грамматик того времени, но не нашел для себя образца, которому можно было бы следовать. Наиболее типичные недостатки — это нечеткая ориентация на потенциального потребителя грамматики, взгляд на язык через призму национальной лингвистической традиции и родного языка исследователя.

Я исходил из того, что потребителями описания редкого языка должны быть лингвисты, не имеющие никаких специальных знаний об этом языке, и это требует особого уровня понятности и эксплицитности. Каждый языковой пример и каждое теоретическое утверждение должны быть понятны такому потребителю. Как я теперь вижу, в то же время аналогичные проблемы стояли перед многими исследователями, и двигались они в сходном направлении. Но в конце 60-х годов еще не вошло в употребление глоссирование языковых примеров. Мне его очень не хватало, и в арчинском описании был проэксплуатирован свободный порядок слов русского языка. Перевод, насколько это возможно, был пословным, с добавлением при необходимости литературного перевода⁵.

В отличие от большинства описаний мы не стремились экономить на иллюстративном материале. Напротив, описание каждого явления сопровождалось максимальным числом разнообразных примеров, как собранных специально, так и взятых из текстов.

Наконец, требование эксплицитности реализовывалось в толковании каждого грамматического значения.

В теоретическом плане арчинская грамматика опиралась на идеи структурализма, а также на теорию модели «Смысл–текст». В то время я полагал, что за динамическим описанием в духе этой модели большое будущее. Но ограничиться таким динамическим описанием я не решился. Поэтому грамматика в описании представлена в двух форматах: таксономическом, привычном большинству лингвистов, и динамическом, в терминах модели «Смысл–текст». Я понимаю, что мои прогнозы не сбылись и сейчас сохранило познавательную ценность для читателя таксономическое описание. Но по существу таксономическое описание существенно выиграло оттого, что оно было последовательно проверено на прочность формализмом модели «Смысл–текст».

Когда четырехтомная грамматика арчинского языка была опубликована, я полагал, что больше никогда за интегральную грамматику языка не возьмусь. На такое можно решиться только однажды.

7. ВМЕСТО ЭПИЛОГА

Выход в свет книг⁶ [Кибрик 1972], [Кибрик, Кодзасов, Оловянникова 1972], [Кибрик, Кодзасов, Оловянникова, Самедов 1977а, б], [Кибрик 1977а, б] в определенном смысле подводит некоторую черту периода становления метода коллективной полевой работы, направленной на целостное грамматическое описание «экзотического» языка. Зафиксированным итогом первых пяти экспедиционных лет являются теоретическое обоснование полевого метода и образцы результата такой работы. Впереди будет еще много экспедиций, новых проектов и результатов, но об этом уже когда-нибудь в другом месте и в другой раз.

* Работа поддержана РФФИ, проект № 05–06–80351а, программой Documenting Endangered Languages Program, National Science Foundation (USA), грант 0553546.

1. Он работал на кафедре в составе хоздоговорной группы, поэтому формально должен был заниматься своей основной темой. За этим никто не следил, но к Кодзасову были особые претензии как к подписанту по делу Александра Гинзбурга, и декану А.Г. Соколову донесли об отлучке Кодзасова.
2. Б.К. Гигинейшвили оказался кавказоведом, фанатически преданным делу прадагестанской исторической реконструкции, много ездивший в одиночку по Дагестану, собирая лексический материал. Позднее мы с Кодзасовым с ним познакомились и подружились.
3. За рубежом ситуация не намного лучше. Исключение составляла недавно вышедшая книга [Samarin], с которой я с некоторым опозданием ознакомился.
4. Речь идет о моей цитате из [Bloch, 9]: «Полевая работа, вероятно, одна из наиболее напряженных форм исследования, но несомненно, что она также является наиболее захватывающей и разнообразной. Искатель наречий сталкивается с плохими дорогами, наихудшими жилищными условиями, рычащими собаками, подозрительными крестьянами и многочасовой рутинной работой, когда он в девяностый раз прокручивает свои вопросы при свете керосиновой лампы. Но он обучается знанию живой человеческой речи, чего не могут получить те, кто только лишь читал о ней в книгах. Он ведет приятную, удивительную жизнь на дорогах и находит новый мир друзей среди доброжелательных мужчин и женщин, которых он встречает в своих путешествиях».
5. В собрании текстов давалось два перевода: буквальный пословный и литературный. Один составитель издания дагестанских сказок, использовавший наши тексты,

признавался мне, что с особым удовольствием он читал эти буквальные переводы, которые создают ощущение духа языка.

6. Они также не были обделены рецензией [Микаилов 1979], причем весьма примечательной. Ее написал Казбек Микаилов, наш предшественник, он предварительно известил нас о своем намерении и даже просил разрешения на это, и писал от души. Микаилов проявил незаурядную способность отрешиться от собственных амбиций, написав деловую рецензию, с замечаниями и похвалами, и с таким заключительным аккордом [147]: «В заключение необходимо особо подчеркнуть, что предпринятая в рецензируемом издании попытка систематизации известных ранее, а во многом впервые вводимых в научный оборот фактов арчинского языка является, на наш взгляд, первым опытом такого всестороннего и глубокого синхронного анализа восточнокавказского языка. Значение этого исследования трудно переоценить — вооруженные современной техникой структурного анализа языка, авторы смогли полно и достоверно отразить современное состояние арчинского языка, и эпитет «малоизученный» применительно к арчинскому языку теперь уже можно смело заменить на «наиболее глубоко и полно изученный».

ЛИТЕРАТУРА

- Борщев В.Б.* За языком (Дагестан, Тува, Абхазия. Дневники лингвистических экспедиций). М., 2001.
- Гигинейшвили Б.К.* Рец. на: Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянная И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972 // Вопросы языкознания. № 5. М., 1973: 148–150.
- Дирр А.М.* Арчинский язык. Тифлис, 1908.
- Калнынь Л.Э.* Рец. на: Кибрик А.Е. Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972 // Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1974. М., 1976: 258–269.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* 1970 — Принципы фонетической транскрипции и транскрипционная система для кавказских языков // Вопросы языкознания. № 6. 1970: 66–78.
- Кибрик А.Е.* 1970 — Экспедиции отделения структурной и прикладной лингвистики филологического факультета МГУ: Дагестанская и Памирская экспедиции. Вестник МГУ. Филология. № 4. М., 1970.
- Кибрик А.Е.* 1971 — Структурно-лингвистические экспедиции по изучению хиналугского языка. Вестник МГУ. Филология. № 4. М., 1971.

- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В.* 1972 — Оловянникова И.П. Фрагменты грамматики хиналугского языка. М., 1972.
- Кибрик А.Е.* 1972 — Методика полевых исследований (к постановке проблемы). М., 1972.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С.* 1977а — Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 1. Фонетика. Лексика. М., 1977а.
- Кибрик А.Е.* 1977а — Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 2. Таксономическая грамматика. М., 1977а.
- Кибрик А.Е.* 1977б — Опыт структурного описания арчинского языка. Т. 3. Динамическая грамматика. М., 1977б.
- Кибрик А.Е., Кодзасов С.В., Оловянникова И.П., Самедов Д.С.* 1977б — Арчинский язык: тексты и словари. М., 1977б.
- Микаилов К.Ш.* 1967 — Арчинский язык (Грамматический очерк с текстами и словарем). Махачкала, 1967.
- Микаилов К.Ш.* 1979 — Рец. на: «Опыт структурного описания арчинского языка» в трех томах и «Арчинский язык: тексты и словари» // Вопросы языкознания. № 4. М., 1979: 141–147.
- Хайдаков С.М.* Арчинский язык // Языки народов СССР. Том IV. Кавказские языки. М., 1967: 608–626
- Bloch B.* Interviewing for linguistic atlas // American speech, 10, 1935: 3–9
- Dixon R.* Searching for aboriginal languages. Memoirs of a field forker. University of Queensland Press: St. Lucia — London — New York. 1982.
- Kibrik A.E.* The Methodology of Field Investigations in Linguistics (Setting up the Problem). Mouton, The Hague-Paris, 1977.
- Samarin W.* Field linguistics. A guide to linguistic field work. Holt, Rinehart, and Winston, 1967.